

Разрушительное землетрясение, потрясшее весь мир, повергло человечество в пучину паники и хаоса. Вслед за ним последовали аномальные климатические изменения: ледяные зимы, невыносимая жара и массовая гибель урожая окончательно ввергли людей в бездну отчаяния.

1. Последние воспоминания

По пыльной проселочной дороге, против потока людей, тяжело подпрыгивая на ухабах, ехал потрепанный велосипед.

Нин Циянь крутил педали, глядя перед собой остекленевшим взглядом.

Прошло уже больше трех лет с того дня, как мир содрогнулся от великого землетрясения. Выжившие постепенно приспособились к суровым условиям, а новая система, выстроенная правительством, стала лучше соответствовать текущим реалиям. Скорбь и ужас, когда-то окутавшие планету, начали отступать, и крошечные островки стабильности вновь зажгли в людях искру надежды.

Нин Циянь смотрел на проходящие мимо лица — спокойные или улыбающиеся — и с горькой усмешкой искривил губы.

Глубокое чувство одиночества отделяло его от всего остального мира.

Спустя час пути он добрался до цели и поставил велосипед в навес у подножия горы. Достав из потертого кармана брюк две картофелины, он отдал их молодому человеку, присматривающему за стоянкой.

Порядок восстанавливался, но деньги с самого начала землетрясения потеряли свою ценность. Теперь за всё расплачивались едой. Если Нин Циянь не хотел, чтобы к моменту его возвращения вниз единственное средство передвижения исчезло, ему приходилось исправно платить за парковку.

Поправив рюкзак за спиной, он двинулся по узкой тропинке к вершине горы, где находилась его пещера. Землетрясение разрушило почти половину зданий в городе. Хотя его жилой комплекс уцелел, последовавшие за катаклизмом экстремальные перепады температур вынудили его оставить дом, лишившийся электричества и воды, и перебраться в горы, где по распоряжению властей он выкопал пещеру, чтобы пережить зиму и лето.

Пещера располагалась почти у самой вершины, путь от подножия занимал около двух часов. Нин Циянь посмотрел на небольшой вход и расчищенную площадку перед ним, опустив взгляд.

Забравшись внутрь, он привычно нащупал место, где хранились факелы, и зажег один из них. Тусклый свет озарил двенадцать или тринадцать квадратных метров пространства. Нин Циянь медленно прошел в самый дальний угол и остановился перед небольшим земляным холмиком,

молча глядя на него.

— Я вернулся, — спустя долгое время тихо прошептал он, словно здесь кто-то ждал его возвращения.

— Слышал, что городской крематорий собираются восстанавливать. Когда это случится, я заберу тебя, и даже если мы вернемся жить в город, ты всегда будешь со мной. Теперь ты должен быть доволен, правда? — Нин Циянь усмехнулся и достал из рюкзака припасенную еду. — Я принес твое любимое мясо. Оно сейчас становится все дороже и дороже. Вчера мне пришлось отдать двадцать фунтов картошки за шесть лянов кроличьих ножек. Ну и зачем ты так? Стоило ли отдавать жизнь за кролика весом меньше трех фунтов?! Ладно, я знаю, ты просто хотел выплеснуть гнев, потому что я не ответил тебе взаимностью, но неужели нельзя было дать мне немного времени? Любому человеку нужно время, чтобы принять такие перемены. А ты... сам хотел быть со мной, а в итоге бросил меня и ушел в другой мир...

Его лицо, утратившее прежнюю белизну из-за тяжелых условий жизни, слегка покраснело, но слабая улыбка не сходила с губ.

Нин Циянь продолжал тихо бормотать, словно тот молчаливый мужчина все еще был рядом.

Время шло. Устав сидеть, он прислонился к земляному холмику и замолчал, погружившись в воспоминания.

Когда они стали неразлучны?

Кажется, с тех пор как старый директор детского дома поселил их в одной комнате. Ду Чэн с момента приезда в приют больше года не произносил ни слова. Да и повзрослев, он говорил крайне редко.

Помнил, как первое время совершенно не обращал внимания на Ду Чэна. Тогда он все силы тратил на то, чтобы получить место в начальной школе, подлизываясь к воспитательницам. Что же заставило Ду Чэна внезапно начать ходить за ним по пятам?

Прошло слишком много времени, теперь уже не вспомнить.

Позже, поскольку Ду Чэн всегда был рядом и разбирался с теми, кто смотрел на Нин Цияня косо, тот, в свою очередь, помог ему получить место в школе.

А потом — общая учеба, общие обеды, общий сон. Если появлялся один, второй был непременно рядом. Так они и росли бок о бок.

После выпускных экзаменов, узнав, что оба поступили в университет В, старый директор с радостью пообещал оплатить их обучение. Но не успело закончиться лето, как его не стало. Он

ушел навсегда, оставив сотню детей, а вместе с ними — и надежды двух юношей.

Новый директор выставил их, едва им исполнилось восемнадцать. Ни учебы, ни крыши над головой. Плата за обучение в десять тысяч юаней в год стала непреодолимой пропастью.

И все же Нин Циянь попал в университет, потому что Ду Чэн на своих еще не окрепших плечах вынес его будущее.

Причинение смерти по неосторожности, девять лет тюрьмы. 1,8 миллиона юаней.

Лишь получив чек, он узнал, что Ду Чэн, исчезнувший на полмесяца, взял чужую вину на себя.

Он не мог ничего сделать. В итоге ему оставалось лишь взять их багаж, чек и продолжить учебу.

За девять лет он закончил бакалавриат, магистратуру и вернулся сюда. Купил просторную квартиру, обустроил дом для них двоих.

Когда Ду Чэн наконец вышел за тюремные ворота, когда они снова смогли жить вместе, из-за признания одной сокурсницы Ду Чэн съехал.

Тогда он не понимал, почему обычная влюбленность разрушила их с таким трудом воссозданный дом. Обида была сильна: он видел, как Ду Чэн, не имея возможности устроиться на работу из-за судимости, вкалывал на стройке. До самого землетрясения они не разговаривали.

То страшное землетрясение, когда содрогнулась вся планета... даже три года спустя никто не мог этого забыть.

И он никогда не забудет те руки, окровавленные и изувеченные, что вытащили его из-под руин офисного здания.

После этого они, словно сговорившись, забыли о прежней холодной войне и вернулись к жизни, где полагались только друг на друга.

Палящее солнце, иссохшие растения, удушающая жара — они пережили лето. Три месяца ледяного плена, холод, пробирающий до костей, скудная еда, объятия, чтобы согреться — они пережили зиму.

Два года они осторожно пробирались сквозь жизнь. Но признание другой девушки вновь пробудило чувства Ду Чэна. Внезапный всплеск эмоций застал его врасплох, он не знал, как смотреть в глаза этому молчаливому мужчине.

А что было потом?

Потом, прежде чем он успел разобраться в своих чувствах, молчаливого мужчины не стало. Его зарезали в лесу из-за кролика.

Руки, закрывающие лицо, не могли скрыть потока слез. Нин Циянь перевернулся и лег на земляной холмик, словно так мог снова почувствовать тепло мужчины.

Факел догорел, и пещеру поглотила тьма.

Нин Циянь устал. Он смертельно устал и больше не хотел жить этой оцепенелой жизнью.

Пусть будет так...

Мысли, полные воспоминаний, утихли, погружаясь в темноту.

Может, прошел час, может, день, а может, целая вечность. В черной пещере внезапно возник свет. Мягкое белое сияние становилось все ярче. И исходило оно от картофелины, лежавшей в одной из чашек перед земляным холмиком.

Призрачный силуэт медленно проступил в пещере — смутные очертания высокого мужчины. Он наклонился, вложил светящуюся картофелину в ладонь спящего Нин Цияня, а затем кончиками пальцев нежно коснулся его щеки...

2. Возрождение

Нин Циянь резко проснулся.

— Ду Чэн, это ты? — тихо спросил он, оглядываясь по сторонам. Никого не было. Он горько усмехнулся, но в следующую секунду замер.

Он снова обвел комнату взглядом.

Белоснежные стены, яркий свет ламп, тихая музыка...

Нин Циянь растерянно заморгал, инстинктивно сжав руки, и тут же обратил внимание на странный предмет в ладони.

Картофелина?

Он снова посмотрел на знакомую, но ставшую чужой обстановку и потер виски свободной левой рукой. Знакомая — потому что это была квартира, которую он купил в городе D после возвращения, их с Ду Чэном дом. Каждый предмет мебели, каждый выключатель он выбирал сам в течение бесчисленных выходных. Чужая — потому что после землетрясения, чтобы добыть хоть немного еды, они разобрали почти всю мебель, а на деревянном полу насыпали слой земли, чтобы выращивать картофель и батат. От прежнего уюта не осталось и следа.

Успокоившись, Нин Циянь засунул руку под подушку и нащупал телефон.

28 января 2016 года, 01:33.

Он моргнул, еще раз взглянул на экран и отложил телефон. Он не был уверен, сон ли это. Или он действительно вернулся на три года назад?

Не зная, что делать, он взял картофелину, которую все еще сжимал в руке, и внимательно осмотрел ее.

Прошла минута, но он так и не заметил ничего необычного. Нин Циянь уже собирался сдаться, как вдруг грязная картофелина начала превращаться в нечто, напоминающее белый нефрит, внутри которого что-то проглядывало.

Затаив дыхание, он встал, быстро прошел в кабинет и достал лупу. Под линзой в самом центре нефритовой картофелины оказался крошечный, миниатюрный крестьянский дворик.

Что это такое? Нин Циянь был уверен, что сначала картофелина была настоящей, а теперь стала похожа на теплый камень.

Стоило ему отвлечься, как он обнаружил, что стоит посреди двора. Рядом с ним был колодец, выложенный камнем. Небольшой двор был пуст. Забор был невысоким, но за ним царил лишь серый туман — ничего нельзя было рассмотреть.

Нин Циянь не знал, где находится и можно ли отсюда выбраться. В следующее мгновение он снова оказался в кабинете.

Он подумал, что точно бредит. Иначе как объяснить, что он переместился от могилы Ду Чэна в свой дом трехлетней давности, а оттуда — в какой-то странный двор?

Вспомнив о дворике, он посмотрел на нефритовый картофель. Его в руке больше не было. Нин Циянь, не желая верить в происходящее, перевернул ладонь. Долго искал, прежде чем убедиться, что картофелина действительно исчезла, зато на тыльной стороне ладони появился рисунок нежно-зеленого ростка.

Он коснулся ростка, и снова оказался во дворе. Повторив эксперимент несколько раз, Нин

Циянь озадаченно подумал: неужели это легендарное «пространство»? А сам он — переродился?

Вытащив из подставки канцелярский нож, он, не заботясь о чистоте, с силой полоснул себя по пальцу. Говорят, что пальцы связаны с сердцем, но резкая боль заставила его тихо рассмеяться.

Он никогда не думал, что будет проверять реальность таким способом. И уж точно не ожидал, что в момент, когда ему больше не хотелось жить, он вернется на три года назад — до землетрясения, до тюремного заключения Ду Чэна, да еще и получит в придачу неведомое пространство.

Тихий смех перерос в громкий хохот.

Он вернулся. Когда еще ничего не случилось. Он снова мог надеяться на то, что они с молчаливым мужчиной будут жить душа в душу.

Когда эмоции улеглись, Нин Циянь снова вошел в пространство, чтобы все осмотреть. Планировка дома с северной стороны была типичной для сельской местности: большая гостиная, две комнаты по бокам, в одной из которых была глиняная лежанка, и две кладовые. Правда, кроме лежанки и пристроенной к ней печи, внутри ничего не было — все нужно обустраивать самому. Двор же, кроме трех каменных дорожек, был сплошь покрыт землей. Впрочем, Нин Циянь подумал, что так даже лучше — проще планировать.

Разобравшись с пространством, он сел за стол, по памяти нашел банковскую книжку и начал подсчитывать сбережения. Девять лет назад он уехал с 1,8 миллиона юаней, за вычетом расходов на учебу и небольших инвестиций, два года назад, вернувшись в город D, он привез 2,7 миллиона. Однако покупка квартиры и ремонт съели около 1,7 миллиона. Остаток вместе с зарплатой за два года составлял около 1,2 миллиона. Не так много, но и не так мало. Этого должно хватить на подготовку к концу света.

Раньше он не хотел вкладывать эти деньги, планируя отдать их Ду Чэну после тюрьмы, чтобы тот начал свой маленький бизнес. Как бы то ни было, судимость не скроешь, а Нин Циянь не хотел, чтобы на Ду Чэна смотрели косо.

Но планы изменились. Видимо, все деньги уйдут на закупку припасов до начала землетрясения. Он вспомнил, что в прошлой жизни Ду Чэн до последнего отказывался тратить эти деньги, а после катастрофы они стали бесполезны.

Составив список необходимых вещей, он увидел, что за окном уже рассвело. Нин Циянь был счастлив, что у него есть пространство. Иначе, даже зная о катастрофе через три месяца, ему было бы негде хранить запасы.

Отбросив мысли, он пошел на кухню, достал продукты из холодильника и с чувством,

смешанным с легкой неловкостью, приготовил себе долгожданный завтрак.

Ароматная рисовая каша, золотистая яичница, свежие овощи и сладкое хрустящее яблоко на десерт — Нин Циянь удовлетворенно вздохнул.

В первый год после землетрясения в руинах еще можно было найти еду, да и государственные запасы помогали — пусть вкус был не тот, что раньше, но разнообразие сохранялось. Но на второй год еда в руинах закончилась, а запасы страны подходили к концу. Остались лишь картофель, батат и кукуруза, способные расти в суровом климате. Дикорастущие травы вырывали с корнем, диких животных почти не осталось. Кроме соли, выдаваемой правительством, приправ не было. Тогда ели только ради того, чтобы выжить.

— Интересно, можно ли в пространстве разводить скот? Иначе, даже с ним, Ду Чэн не сможет долго есть мясо, — пробормотал он, потирая переполненный желудок.

Ду Чэн с детства был мясоедом, и девять лет тюремной баланды не убили в нем эту страсть.

Вспомнив, как сразу после тюрьмы Ду Чэн был равнодушен к одежде и вещам, требуя лишь, чтобы в каждом приеме пищи было три мясных блюда, Нин Циянь тихо улыбнулся.

3. Рынок домашних животных

— Да, обязательно... Спасибо, брат Чжан... Не переживайте... Хорошо, как вернусь, сразу свяжусь с вами... Договорились, до свидания.

Положив трубку, Нин Циянь выдохнул.

Понимая, что скоро мир погрузится в хаос, он не хотел тратить время на работу. Он не собирался снова оказаться погребенным под руинами офисного здания. Поэтому, решив, что пора, он позвонил начальству и уволился.

Его, конечно, пытались удержать — за два года он заработал себе имя в индустрии. Не то чтобы он был гением, но умел находить подход к клиентам. Нин Циянь усмехнулся: навыки общения в любой работе важнее профессиональных качеств.

Неожиданно компания предложила ему отпуск с сохранением зарплаты. Похоже, за два года он стал ценным сотрудником. Но Нин Циянь отказался, сказав, что свяжется с ними, когда отдохнет.

Люди непредсказуемы. Если бы он согласился на отпуск и пережил землетрясение, семьи погибших коллег могли бы возненавидеть его за то, что он выжил. В условиях отчаяния человеческая мораль теряет всякий смысл.

Больше не раздумывая, он взял кошелек и спустился в гараж.

До Нового года оставалось десять дней. Раньше он не придавал этому значения — вряд ли найдется сирота, который любит праздники. Когда другие радуются в кругу семьи, одиночество чувствуется особенно остро. Даже в детском доме праздничные мероприятия не могли скрыть этой пустоты. А после выхода из приюта он девять лет был в разлуке с Ду Чэном, и праздновать в одиночестве не имело смысла.

Но теперь все иначе. Ду Чэн скоро вернется, у них свой дом. Нужно достойно встретить праздник. К тому же, после землетрясения восстановление общества займет годы, и неизвестно, когда еще удастся устроить шумный и богатый праздник.

Припарковавшись, он вошел в торговый центр. Глядя на красные украшения и толпы людей, Нин Циянь зажмурился, стараясь не думать о катастрофе.

Взяв тележку, он направился в отдел сухофруктов.

К выходу из супермаркета он вез четыре полных пакета. Люди удивленно поглядывали на него, гадая, сколько же человек в семье у этого симпатичного молодого парня, раз он скупает столько еды.

Сложив все в машину, Нин Циянь поехал в следующий супермаркет.

Чтобы не привлекать лишнего внимания, он покупал много, но в пределах разумного. Однако после шести магазинов продуктов хватило бы им с Ду Чэном на десяток лет.

Он брал продукты с долгим сроком хранения. Сейчас, перед праздником, ассортимент был огромным, грех было этим не воспользоваться. Остальную еду он планировал докупить перед самым землетрясением, чтобы срок годности был максимальным.

После шести магазинов даже здоровый мужчина почувствовал бы усталость. Нин Циянь еще не привык к таким физическим нагрузкам.

Его внимание привлекли рестораны вдоль дороги. Он выбрал шанхайскую кухню. Хотя он всегда предпочитал простую еду, три года без сахара заставляли его мечтать о сладких блюдах. Заказав утку «восемь сокровищ», свинину в красном соусе и жареные зимние побеги бамбука, он с наслаждением принялся за еду.

После позднего обеда Нин Циянь вернулся на рынок рядом с домом. Несмотря на вечер, людей было много, прилавки ломились от товаров.

Прикинув объем холодильника, он купил двух кур, двух уток, ребра и еще кучу всего, забив холодильник до отказа.

После рынка он не поехал домой, а направился на рынок домашних животных. Он хотел проверить, можно ли разводить скот в пространстве — иначе, сколько бы мяса он ни запас, оно когда-нибудь закончится.

Рынок находился рядом со старым жилым комплексом. Припарковавшись, Нин Циянь вошел через главный вход.

Из-за холода окна и двери были плотно закрыты, воздух был спертым, а запах — просто невыносимым. Нин Циянь на мгновение замер, но затем, не подав вида, пошел дальше.

<http://bllate.org/book/18708/1808058>